Богословие свободы. Христианство и светская власть – от Миланского эдикта до наших дней

Выступление митрополита Волоколамского Илариона, председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, на открытии учебного года на Богословском факультете Южной Италии, 17 октября 2014 года.

Ваше Высокопреосвященство! Ваши Преосвященства! Уважаемые профессора и студенты Богословского факультета!

Для меня большая честь выступить перед вами в начале учебного года. Прежде всего, я хотел бы пожелать всем вам успехов в новом академическом году, а также пожелать народу Италии мира и благоденствия.

В своем выступлении я хотел бы коснуться событий далекого прошлого, а также событий совсем недавнего времени. Речь пойдет об эпохе Миланского эдикта и о событиях, напоминающих эту эпоху, но происходящих уже в наше время, на наших глазах.

В прошлом году во всем христианском мире торжественно отметили 1700-летие издания эдикта, подписанного в Милане в 313 году императорами Восточной и Западной частей Римской империи Константином и Лицинием. Миланский эдикт это, по сути, первый официальный государственный документ в Римской империи, благодаря которому «кафолическая Церковь» получает не только право на существование, но также государственное и общественное признание. Если до этого христиан гнали и истребляли, если они могли существовать лишь в катакомбах и глухом подполье, то благодаря Миланскому эдикту христиане впервые, наравне с язычниками, получили право открыто исповедовать и проповедовать свою веру, стоить храмы, открывать монастыри и школы. Огромным достижением константиновской эпохи стало признание Церкви в качестве полноценного участника общественных процессов, позволившее ей не только свободно устраивать свою внутреннюю жизнь, но и оказывать существенное влияние на жизнь государства и общества.

Многие христиане того времени еще помнили, как гонители выдавливали Церковь из общественного пространства, загоняли ее в гетто. Многие были исповедниками с судьбами, изломанными насилием и притеснениями. Красноречивые, но одновременно исполненные боли воззвания мужей-апологетов II—III веков к государственным лидерам Римской империи для многих христиан начала IV столетия оставались правдой их собственной жизни.

Мы прикасаемся к мировосприятию христиан эпохи гонений, читая, например, Апологию Тертуллиана. Он восклицает: «Мы существуем со вчерашнего дня, и наполнили собою все ваши места: города, острова, крепости, муниципии, места собраний, самые лагери, трибы, декурии, дворец, сенат, форум. Одни только храмы ваши мы оставили вам. К какой открытой войне мы не были бы способны, на какую войну мы не были бы готовы, хотя бы и уступали вам в силе, — мы, которые так охотно дозволяем умерщвлять себя, если бы нашим учением не повелевалось нам скорее быть самим умерщвленными, чем умерщвлять других? Мы могли бы сразиться с вами и без оружия, и без бунта, отделясь от вас, как недовольные вами. Ибо если бы мы, составляя такое огромное число людей, удалились от вас в какой-либо отдаленный угол земли; то, конечно, потеря столь многих, каких бы то ни было, граждан не только была бы позором для вашего господства, но вмести с тем и наказанием»[1].

Христианам эпохи гонений приходилось доказывать властям империи свою лояльность и свою пригодность для полноценного участия в жизни гражданского общества. Но власти оставались глухи к этим доказательствам. И вдруг то же самое поколение гонимых и притесняемых христиан становится свидетелем признания Церкви как интегральной части общества. Более того, в течение нескольких лет после издания Миланского эдикта христианство превращается в духовную силу, во многом определившую ход дальнейшей истории империи и всего мира.

По результатам Миланских соглашений императоры Константин и Лициний утверждают нечто совершенно новое, неслыханное для своих современников. Они всенародно заявляют: «Итак, руководствуясь здравым и правым смыслом, мы объявляем следующее наше решение: никому не запрещается свободно избирать и соблюдать христианскую веру и каждому даруется свобода обратить свою мысль к той вере, которая, по его мнению, ему подходит, дабы Божество ниспосылало нам во всех случаях скорую помощь и всякое благо… Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи… [Христианам] даруется неограниченная свобода… дается свобода и другим, по желанию, соблюдать свою веру, что и соответствует нашему мирному времени: пусть каждый свободно, по своему желанию избирает себе веру»[2].

Важно отметить, что данный документ предоставлял свободу христианству не в ущерб другим религиям Римской империи; последователи различных языческих культов сохраняли свои права и свободы, как и прежде. Однако в Миланском эдикте, по сути, признавался тот факт, что Церковь – не какая-то маргинальная секта, разлагающая традиционные общественные устои. Напротив, авторы документа убеждены, что христиане способны обратить милость Бога ко всему народу. Богоугодность и полезность христиан для общества – вот на что опирался новый эдикт, выражая надежду на то, что «Божество» ниспошлет властям и народу империи «во всех случаях скорую помощь и всякое благо». Эти строки не просто уравнивали христиан в правах и свободах с

язычниками, но открывали перед ними возможность заявить о себе как о новой силе, способной положительно влиять на общество, наполнять божественным смыслом его существование.

Благодаря Миланскому эдикту христиане оказались перед необходимостью думать не только о своем спасении и о благе своей небольшой общины. Новое положение в обществе заставило их задумываться о качестве этого общества, о своей роли в нем – роли активных граждан, молитвенников за отечество, людей доброй воли.

В новых условиях христиане – епископы, богословы, монахи и множество мирян – не растерялись. В империи начался бурный расцвет христианской мысли и культуры, зародилась христианская историософия, сформировалось новое отношение Церкви к окружающему ее миру. Эпоха, начало которой положило издание эдикта, вошла в историю как золотой век христианства, а для империи эта эпоха стала временем смены мировоззренческих парадигм. Богословие Церкви легло в основу нового понимания личной, социальной и государственной ответственности, повлияло на обновление всех институтов общества, дало новый ценностный фундамент семейным отношениям, отношению к женщине, повлекло за собой постепенное изживание института рабства в империи. Новая империя соединила в себе римскую культуру правовых отношений, греческое искусство изящной мысли и благочестие Иерусалима. А христианство стало в нем новой религией, фундаментом нового мировоззрения, способного объединить все многообразие рас и народов империи. Получив исторический шанс, Церковь воспользовалась им сполна.

Миланский документ справедливо получил в науке название «эдикта толерантности» или веротерпимости. В этом смысле Миланский эдикт выдержан в том же духе, что и предшествовавший ему указ императора Галерия 311 года. Прежний указ дозволял христианское богослужение, «если оно не нарушает общественный порядок», но при условии, что христиане будут молиться за императора и римское государство, обещая последнему «дополнительную помощь» своего Бога, Который, разумеется, должен покровительствовать Риму наряду с его традиционными божествами[3].

И все же именно с Миланского эдикта открылась новая эпоха, как для Церкви, так и для римского государства, что в итоге привело к изданию в 380 г. указа императора Феодосия I, который провозгласил христианство государственной религией и поставил традиционную языческую религию фактически вне закона.

Итак, естественно предположить, что эдикт Галерия, Миланский эдикт, а вслед за ним и указ Феодосия I, знаменуют собой последовательное раскрытие политической логики римского государства. В связи с этим резонно спросить: готова ли была сама Церковь к фактическому вхождению в структуру римского государства, не только заменяя собой уже существовавшие

языческие институты, но и создавая принципиально новые? Однозначного ответа на этот вопрос, опираясь на достоверные письменные источники той эпохи, мы не находим. С одной стороны, вокруг Константина Великого почти сразу же образовался круг придворных епископов, в который вошли упоминавшийся нами Евсевий Кесарийский и Евсевий Никомидийский, крестивший императора перед смертью. Первый из них даже считается некоторыми историками Церкви ответственным «за принятие христианами эллинистической политической мысли»[4].

Однако такой подход вряд ли можно считать обычным для Церкви тех времен. Христиане, хотя и молились «о властех и воинстве» Римской империи, все же ощущали себя гражданами Отечества Небесного, помня завет апостола Павла: *«Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего»* (Евр. 13, 14). Более того, в течение двух веков они жили в государстве, преследовавшем их единоверцев, в котором их вера была religio illicita – «недозволенной религией». Одним из обвинений, постоянно звучавшим в адрес христиан, был упрек в аполитичности и социальной бесполезности. Отчасти это соответствует действительности. «Ничто нам так не чуждо, как общественные дела»[5], – писал Тертуллиан. Ориген утверждал, что в каком бы городе христиане ни жили, у них «другой строй подданства»[6]. Как отмечает протоиерей Георгий Флоровский, «в этом смысле христиане находились "вне общества", были добровольными изгнанниками и отверженными – людьми вне социального порядка мира сего»[7].

Более того, между империей и Церковью существовал особого рода антагонизм, который отнюдь нельзя считать просто конфликтом по причине взаимного непризнания. «Ведь Христианская Церковь больше, чем просто "церковь" … Христиане также народ, "особый народ" – Народ Божий, tertium genus (третий народ), ни эллины, ни иудеи. Церковь не просто "собрание людей" или добровольное объединение, занятое одними лишь религиозными делами. Она провозглашала себя и в действительности являлась особым независимым обществом, отдельным государством. В то же время и Римская Империя провозглашала себя и в действительности являлась чем-то большим, чем просто государство»[8]. Римский общественный строй претендовал на полное подчинение себе своих граждан во всех измерениях их жизни, приписывая себе божественное происхождение. Это ярче всего выражалось в культе «гения императора» – особого рода божества, сопутствующего кесарю. Отказ от почитания этого божества карался смертной казнью как государственное преступление, ибо римская языческая религия была неотъемлемой частью политического устройства.

И вот эта империя – антагонист и соперник молодого христианства, протягивает ему руку, гарантируя свободу вероисповедания, имущественные права, защиту и покровительство своего закона. И Церковь очень быстро включилась в жизнь империи, взяла на себя заботы о вдовах, сиротах, девицах, увечных и болящих, стала принимать участие в общественных делах, казавшихся Тертуллиану столь чуждыми ей по природе. Духовенство получило узаконенное государством

право «печалования» о несправедливо осужденных. Началось влияние Церкви на законотворчество, выразившееся в его последовательной, хотя и частичной, гуманизации. Неоспоримо воздействие христианской веры на изменение отношения общества к институту семьи и брака, на постепенную социализацию государственной политики, ставшей более внимательной к нуждам народа.

Константинова эпоха, последовавшая за изданием Миланского эдикта, не только открыла новую страницу в жизни Римской империи: она предопределила парадигму развития церковно-государственных отношений в странах, возникших позднее на ее обломках, либо под ее культурным влиянием. Вопреки расхожему мнению, христианство не стало просто заменой обветшавшего язычества в Римской империи, оно вошло в ее жизнь и структуру как принципиально новое начало. Оно не подчинилось диктату светской власти, оно воздействовало на саму власть, порой вступая с ней в неравные по силам конфликты.

Иными словами, Церковь, войдя в структуру государственной власти, не слилась с ней. Напротив, Церковь, сохраняя независимость, по-прежнему, как и в доконстантиновскую эпоху, понимая себя Градом Божиим, по выражению блаженного Августина, стала шаг за шагом оказывать на государство благотворное воздействие в духе Евангелия Христова. И хотя это положительное влияние ощущалось не сразу, в течение веков оно неуклонно возрастало.

Историческое значение Миланского эдикта состоит в том, что он стал поворотным пунктом в истории Римской империи. Так, по словам отца Иоанна Мейендорфа, «появилось новое общество, принявшее христианство как свою религиозную (а потому и моральную, культурную и политическую) норму»[9]. Это общество просуществовало в Европе вплоть до начала Нового времени, когда во многих странах Церковь решили отделить от государства.

От событий 1700-летней давности я хотел бы сейчас обратиться к событиям недавнего прошлого и рассказать вам о том, как юбилей Миланского эдикта отозвался в Русской Православной Церкви, которую я представляю и которая в прошлом году праздновала другой значимый юбилей – 1025-летие Крещения Руси. Совпадение двух юбилеев заставило нас задуматься об историческом пути Церкви, поразмышлять о древнем событии, положившем начало новой христианской цивилизации, но одновременно с этим оценить и нашу собственную недавнюю историю.

То, что мы пережили за последнюю четверть века и чем продолжаем жить сегодня, можно с уверенностью назвать «вторым крещением Руси». Ведь как известно, Русь была крещена в 988 году святым князем Владимиром в водах Днепра. С тех пор началось спасительное шествие христианской веры (в ее византийском, православном изводе) по городам и весям Святой Руси. А ведь Святая Русь – это то историческое пространство, которое объединяет нынешние Россию,

Украину и Белоруссию. Три славянских народа, разделенные ныне государственными границами, некогда составляли единый народ, и имеют общую историю, продолжавшуюся более тысячи лет. Святая Русь и ныне сохраняется в виде того духовного пространства, которое объединяет Русская Православная Церковь, включающая в себя и Украину, и Россию, и Белоруссию, и целый ряд других стран.

За более чем тысячелетнюю историю русского государства отношения Церкви и светской власти развивались по-разному. В период от 988 года до автокефалии Русской Церкви в 1488 году государство содействовало распространению православной веры и не вмешивалось во внутренние церковные дела. В следующий, так называемый Московский период (1448–1589 гг.), княжеская власть нередко нарушала сложившийся баланс отношений и принцип взаимного невмешательства, меняя неугодных предстоятелей Церкви на более лояльных.

В 1589 году московским Собором под председательством Константинопольского Патриарха Иеремии II был поставлен первый русский Патриарх Иов. Модель отношений Церкви и светской власти в первый патриарший период была репродукцией церковно-государственных отношений, сложившихся в Византийской империи, так называемой симфонии церковной и государственной власти. Установление Патриаршества стало логическим продолжением исторического развития восточного христианства: православные патриархаты на Востоке, находившиеся под властью мусульман, в XVI веке искали поддержку и защиту у Русской Церкви и русских государей. Избрание Патриарха придало особый статус не только Церкви, но и высшей государственной власти, которая окончательно осознала себя преемницей власти византийских василевсов.

Император Петр I упразднил Патриаршество и положил начало так называемому синодальному периоду в истории Русской Православной Церкви. С упразднения Патриаршества и создания в 1721 году Святейшего Правительствующего Синода, фактически министерства в структуре государственных органов управления, которое возглавлялось светским лицом – обер-прокурором, начался период секуляризации и подчинения Церкви государству.

1917 год стал переломным как для Русской Церкви, так и для всей Российской империи, ознаменовав начало хаоса и ужаса гражданской войны – войны всех против всех. Вполне исполнились тогда в России слова Христа: «*Предаст же брат брата на смерть, и отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется*» (Мф. 10, 21-22).

Поместный собор 1917-18 годов, проходивший на фоне краха всего государственного и общественного устройства, восстановил некогда упраздненное Патриаршество в Церкви. Советская власть издает в 1918 году «Декрет о свободе совести, церковных и религиозных

обществах», утвердивший принцип отделения Церкви от государства и школы. Религиозные организации лишались статуса юридического лица, не имели права владеть собственностью, собирать пожертвования. Первая советская Конституция 1918 года определяет духовенство и монашествующих нетрудящимися элементами, лишенными избирательных прав. Дети священников лишались права поступления в высшие учебные заведения. Власть в лице Ленина, а затем и пришедшего ему на смену Сталина, инициирует беспрецедентные по масштабам репрессии собственного народа, жертвами которых стали миллионы людей. Церковь подвергается почти тотальному разгрому: архиереев и священников расстреливают без суда и следствия, храмы взрывают, монастыри и духовные школы закрывают.

Постановления «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и «О религиозных объединениях» 1929 года ставили Русскую Православную Церковь вне закона. Гонения на духовенство и верующих то затухали, то вспыхивали с новой силой, как в довоенный период, так и в период после окончания Второй мировой войны. По количеству мучеников, за веру пострадавших, Русская Церковь многократно превзошла сонм христианских мучеников, принявших страдания в первые века гонений со стороны языческой Римской империи.

Политические процессы в конце XX века в СССР привели к крушению советского государства. Однако еще до того, как в декабре 1991 года прекратил свое существование Советский Союз, началось возрождение религиозной жизни на всем его пространстве. Произошло это, как казалось, совершенно неожиданно, в 1988 году. Именно в этом году в контексте празднования 1000-летнего юбилея Крещения Руси, задуманного изначально как сугубо церковное торжество, в народном сознании пробудилось то, что принято называть генетической памятью, национальной или религиозной идентичностью. Тысячи и миллионы людей по всему Советскому Союзу открыто выразили свою позицию, приняв участие в торжествах, наполнив храмы и площади во время юбилейных богослужений. Властям ничего не оставалось, как увидеть и признать, что Церковь – не музейный экспонат и не зверь в клетке, а духовная сила многомиллионного народа, способная его возрождать и обновлять.

С этого момента началось беспрецедентное по масштабам возрождение Церкви на всем пространстве бывшего Советского Союза. В начале 1990-х годов количество желающих принять крещение было таково, что обычный священник в обычном городском или сельском храме мог за один день покрестить несколько сотен человек. Повсеместно начали восстанавливаться и открываться храмы. В течение последних 26 лет в Русской Церкви было восстановлено из руин или заново построено более 26 тысяч храмов: это значит, что мы открывали и продолжаем открывать по 1000 храмов в год или по три храма в день. Было открыто более 800 монастырей, которые наполнились молодыми иноками и инокинями. В крупных городах появились духовные учебные заведения – высшие и средние; богословские факультеты стали открываться в светских

университетах. Церковь освоила те направления деятельности, которые в эпоху гонений находились фактически под запретом: издательскую, социальную, благотворительную.

И все это происходило в ту самую эпоху, которую на Западе многие называют постхристианской. Мне не раз приходилось слышать от моих западных коллег об упадке христианской веры, об уменьшении числа верующих, о падении числа священнических и монашеских призваний, о закрытии храмов и монастырей. Для того, чтобы убедиться, что мы живем отнюдь не в постхристианскую эпоху, достаточно посетить одну из православных стран, в которых продолжается это масштабное возрождение религиозной жизни, например Россию, Украину, Белоруссию, Грузию, Румынию, Молдавию. Поезжайте и посмотрите, как живет в этих странах верующий народ, посетите православные монастыри и храмы, и вы увидите горячее благочестие людей, крепкую и твердую веру, которую не сломили никакие гонения.

На мой взгляд, наша эпоха – эпоха возрождения Церкви – имеет в себе нечто глубоко сходное с эпохой, последовавшей за обнародованием Миланского эдикта. Связью времен выступает понятие свободы. Принцип свободы совести, провозглашенный в Миланском эдикте, лег в основу нового отношения власти к подданным. За шестнадцать веков Миланский эдикт предвосхитил то, что в полной мере стало возможным только в XX веке, после столетий войн и дискриминации. В целом ряде международных документов, положенных в основу современного мирового права (таких как, например, «Международный билль о правах человека», «Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод») свобода исповедовать свою веру и жить в соответствии с ней – главная идея эдикта – постулируется как одна из важнейших свобод человеческой личности.

Нечто подобное тому, что произошло в Римской империи в 313 году, совершилось 26 лет назад в масштабах тогдашнего Советского Союза. Мы были свидетелями того, как Церковь в нашей стране, после многих испытаний и кровавых жертв, вдруг вышла из гетто, встала с колен и начала свое победное шествие по городам и весям. Значительная часть общества вновь обрела свою христианскую идентичность.

А началось все с того, что в середине 1980-х годов в центре общественной дискуссии в СССР остро встал вопрос о свободе совести. В этой дискуссии активную роль играла Церковь. Вновь, как и шестнадцать столетий назад, самим фактом своего существования, вопреки окружающей действительности, Церковь обнажила кризис свободы, а вместе с тем она обнажила внутреннюю хрупкость прежнего порядка вещей. В рушившейся системе ценностей более не находилось ни политической, ни экономической, ни смысловой скрепы, способной объединять народ.

Некоторые события в истории Церкви нельзя объяснить иначе, как чудом Божьим. Таким чудом

стала эпоха, последовавшая за Миланским эдиктом 313 года. Не меньшее чудо произошло в нашей стране в конце 1980-х годов. Могли ли люди, которые всего лишь за несколько лет до этого рисковали ради своей веры благополучием, а в некоторых случаях и жизнью, расценивать неожиданно свалившуюся на их головы свободу иначе, чем чудо и Божий дар? Могли ли они ожидать, что безбожная идеология рухнет, а на смену ей придет иное мировоззрение, в котором Благая весть Церкви снова будет рассматриваться как одна из основ общества и залог его успеха в будущем? Бесчисленные верующие, собравшиеся на торжества в июле 1988 года, могли бы повторить слова, некогда произнесенные Евсевием Кесарийским по случаю всеобщих церковных торжеств, ознаменовавших новую эпоху: «Исчез всякий страх, в котором прежде держали нас мучители. Теперь наступили радостные и торжественные дни многолюдных празднеств: все исполнилось света»**[10]**.

В обоих случаях именно дарование религиозной свободы предварило дарование прочих гражданских свобод, рассматриваемых в наше время как одно из главных достижений демократического общества. И это не случайно, потому что именно в христианской системе ценностей понятие свободы получает особое содержание. Мы, христиане, убеждены в том, что дар жизни – это дар Божий, и что сама человеческая жизнь не подвластна никому, кроме Создателя человеческого рода. Эта убежденность делает христиан свободными от гнета любой политической силы и любой идеологии. Она делает их способными быть мучениками и исповедниками, когда Церковь гонят; свидетелями истины и благовестниками Царствия Божия, когда Церковь признают. Никакой другой религии или идеологии не свойственно такое трепетное отношение к свободе. Великому русскому философу Николаю Бердяеву принадлежат такие слова: «Свобода, прежде всего свобода – вот душа христианской философии и вот что не дается никакой другой, отвлеченной и рационалистической философии»**[11]**.

Христианская свобода не отрывает нас от наших семей, от социальных связей, от нашего отечества. Напротив, в самом христианском понимании свободы, в признании абсолютной и живительной связи человека с Богом заложен огромной силы нравственный потенциал. Будучи творением благого Бога, сынами и дочерьми Создателя, мы призваны возделывать данный нам во владение сад, тем самым приближая Царствие Божие к роду человеческому. Именно этот нравственный потенциал, укорененный внутри свободной человеческой личности, и увидел в христианстве император Константин, позволив этому мощному позитивному созидательному заряду высвободиться и воздействовать на все общество.

Этот же потенциал христианской свободы высвободился в нашем народе после десятилетий идеологического гнета. Я убежден, что наш народ именно потому преодолел колоссальную социальную и экономическую катастрофу 1990-х годов и нашел в себе силы встать с колен, что в нем все еще течет христианская кровь и в глубине нашего национального сознания все еще не

стерто представление о христианской свободе.

В последнее время мы все чаще и чаще можем наблюдать, как в странах Запада провозглашается иная свобода: от нравственных начал, от общечеловеческих ценностей, от ответственности за свои поступки. Мы видим, насколько эта свобода деструктивна и агрессивна. Вместо уважения к чувствам других людей она проповедует вседозволенность, игнорирующую убеждения и ценности большинства. Вместо подлинного утверждения свободы она утверждает далекий от элементарных нравственных ориентиров принцип неудержимого удовлетворения человеческих страстей и пороков.

Агрессивный настрой такой ложно понятой свободы приближает ее к тоталитаризму эпохи гонений и безбожию двадцатого века. «Тоталитарная свобода», основанная на человеческих страстях, возвращает нас во времена язычников, пусть и в более лукавой и изощренной форме. На наших глазах вновь разворачиваются картины, знакомые нам по событиям безбожных десятилетий нашей страны. Воинствующее безбожие, нередко в самых уродливых и гротескных формах, вновь подняло голову и смело заявило о себе на просторах Европы. Нравственный релятивизм и вседозволенность возводятся в основной принцип бытия. И вот уже мы видим, как по Лондону разъезжают автобусы с надписями «Бога нет, наслаждайся жизнью» или «Ты гей, гордись этим». Слышим о том, как в Париже дубинками и слезоточивым газом разгоняют демонстрацию сторонников традиционных семейных ценностей, не желающих усыновления детей однополыми парами. Становимся свидетелями того, как на амвоне главного храма Москвы появляются кощунницы, своими действиями вызывающие одобрение некоторой части общества, и как потом аналогичное действо разыгрывается в парижском Нотр-Даме.

Секуляризация под видом демократизации в действительности высвободила в европейском сверх-государстве, являющемся культурным наследником Римской империи, колоссальную энергию властного подчинения. Эта кипучая энергия сегодня стремится окончательно порвать с христианством, сдерживавшим ее тоталитарные импульсы в течение семнадцати веков. В результате она бессознательно стремится к установлению абсолютной диктатуры, которой потребуется установление полного контроля над каждым членом общества. Не к этому ли мы идем, «в целях безопасности» соглашаясь на обязательное введение электронных паспортов, всеобщей дактилоскопии и повсеместное насаждение фотокамер? Ведь всё это можно легко использовать и в других целях, которые также можно приписать «усилению мер безопасности».

То, что происходит сегодня на Западе, является постепенным воссозданием Pax Romana, глобально-интернационального господства. Вместе с тем, если римская власть в определенные периоды индифферентно относилась к безнравственности, то сегодня ее стремятся возвести в норму. Современное демократическое государство некоторые даже представляют в роли гаранта

легального статуса безнравственности, ибо оно защищает граждан от посягательств «религиозного ханжества». Роль религии, так же, как и в Риме, видится исключительно в утилитарном свете – она должна быть служанкой государства, не претендующей на истину, «частным делом каждого». Тем не менее, от нее все же требуется безусловное признание государства и послушание его законам, в том числе тем, которые подрывают её основы.

Тем не менее, христианство по самой своей сути не может отказаться от претензии на истину – такова его эсхатологическая природа, «взыскующая Града грядущего». Современному секулярному государству проповедуемое Церковью Царство Божие внушает страх, кажется угрозой не терпящему конкурентов царству человеческому. Как и в доконстантиновские времена, христианство остается единственной силой в мире, которую не может поглотить гигантский механизм нового деспотического государства**[12]**. Не случайно, поэтому, в пророчествах Апокалипсиса используются образы тоталитарной империи, которая воюет против святых, употребляя для этого всю свою колоссальную мощь и средства контроля.

По-видимому, величайшая историческая заслуга императора Константина состоит в осмысленной попытке синтеза новой государственности, основанной на евангельских нормах. Наверное, этот эксперимент вряд ли мог завершиться успешно, ибо *«никто не вливает вина молодого в мехи ветхие»* (Мк. 2, 22). Языческая государственность Рима с присущим ей стремлением к абсолютному контролю так и не была изжита в христианских государствах, пришедших ему на смену. И все же старые мехи римского государства позволили Церкви в полноте раскрыть себя в своем служении тысячам поколений, реализовать свои благодатные дары в истории, оказать влияние на формирование многих культур и традиций. Наследие христианства воспринимается нами преимущественно в свете его исторической эволюции в период, последующий Миланскому эдикту. «Брак» Церкви и государства, хотя и оказался в силу разнородности «партнеров» не вечным, тем не менее, задал европейской истории такой вектор развития, отклонение от которого будет означать цивилизационную смерть нашего континента.

В этом контексте исторический урок Миланского эдикта становится чрезвычайно ценным. Он показывает, что новый виток развития цивилизации должен основываться на той свободе, которая покоится на прочных нравственных основаниях. Именно из такой свободы и должны вырастать все прочие виды свобод, из нее же вырастает и государство, чуждое тоталитаризму. В противном случае свобода вновь становится лишь декларируемой абстрактной ценностью, а либеральная идеология закрепощает и зомбирует человека подобно тому, как это делала безбожная идеология в недавнем прошлом.

В IV веке Церковь впервые в своей истории начала интегрироваться в гражданское общество, христиане впервые почувствовали возможность реализовывать свою веру и свои убеждения на

благо своего земного отечества. Сила христианского богословия – богословия искупления и воскресения, богословия Царствия Божия, пришедшего в силе, – должна была раскрыться в жизни многих народов, населявших тогдашнюю экумену.

В наши дни Церковь и ее Священное Предание (Традиция) стали открытием для нашего народа. Целое поколение оторванных от Церкви людей заново находили веру. Ситуация, в которой мы оказались – ситуация обретения забытой Традиции, воцерковления общества, возрождения Церкви – поставила перед нами задачу: понять, что такое христианская Традиция с большой буквы и кто мы в этой Традиции. Кроме того, знакомство с историей христианской цивилизации, с историей Церкви, открыло перед нами понимание роли Церкви в совершенно разные эпохи – благоденствия и притеснений, ошибок и испытаний. Этого не знала Церковь в эпоху Константина, когда она только делала первые шаги в качестве признанного общественного института.

Мы можем сказать сегодня, что Церковь за прошедшие семнадцать веков стала более зрелой, более искушенной. Исторический опыт Церкви не позволяет нам, получив свободу, не распорядиться ею с умом. Сегодня от Церкви требуется особая мудрость, потому что мы получили такой исторический шанс, который не вправе упустить. Уже в 1990-х годах Церковь в России в полный голос заговорила о свободе и ответственности как двух абсолютных ценностях, без взаимодействия между которыми невозможно построить справедливое общество. Сегодня все чаще подобные мысли звучат из уст государственных мужей. Сегодня Церковь и государство в России, а также в некоторых других странах постсоветского пространства способны говорить единым голосом, выражать единую позицию.

Созвучие между Церковью и государством в оценке общественных процессов ни в коей мере нельзя считать признаком «слияния» между ними. Принцип взаимного невмешательства Церкви и государства во внутренние дела друг друга должен сохраняться и сохраняется. Но этот принцип должен быть уравновешен другим, не менее важным принципом: соработничества Церкви и государства во всех тех областях, в которых это соработничество возможно и необходимо. А оно оказывается необходимым в самых разных областях, сопряженных со сферой общественной нравственности.

Сегодня и государство, и представители религиозных конфессий, а также безрелигиозные люди (неожиданно для себя оказавшиеся в меньшинстве), могут принимать полноценное участие в дискуссии о ценностных ориентирах общественного развития. Мы должны создать такое общество, в котором никому не будет некомфортно, в котором каждый сможет реализовать свою свободу. Но при этом свобода не должна превращаться во вседозволенность. Каждый член общества должен чувствовать свою ответственность не только за себя, но и за свое отечество, за весь окружающий мир.

Сегодня мы не можем рассматривать общество как бездушный механизм, управляемый юридическими нормами. Общество – это еще и духовный организм, который управляется духовными законами. Не зря мы говорим о нравственном и безнравственном обществе, об обществе больном и обществе здоровом. Возможности государства воздействовать на духовную сферу человеческой жизни весьма ограничены, тогда как Церковь обладает здесь огромными возможностями. Для того чтобы интересы общества реализовались в полной мере, необходимо, чтобы гражданская свобода, которую может и должно обеспечивать государство, сопрягалась со свободой религиозной. Потому что именно свобода является связующим звеном двух сфер общественной жизни: гражданской и духовной.

Тема эта сложна и многогранна, она провоцирует дискуссии и в дискуссиях нуждается. На протяжении всей христианской истории, с тех самых пор, как в Милане был подписан исторический эдикт, даровавший Церкви свободу, Церковь находится в непрерывном диалектическом развитии: она, с одной стороны, должна сохранять свою купленную ценой крови свободу, с другой стороны, она призвана ее реализовывать.

Любая свобода ценна, когда она сопряжена с ответственностью и жертвенностью. Обладать свободой – значит для Церкви оставаться «солью земли», евангельской закваской, духовной силой и совестью народной. Реализовывать свою свободу означает действовать, использовать те возможности, которые дает Господь для служения и для проповеди. Так устроен мир, что свобода – это условие решительного, но обдуманного действия. Свобода – это средство, условие творчества. А творчество – это вовлеченность в жизнь общества со всеми его внутренними противоречиями.

Нам суждено жить во времена, когда в наших руках, в руках христиан, оказался драгоценный дар свободы – тот же дар, который получили христиане в эпоху императора Константина Великого. Этот дар Божественного Промысла открывает перед нами огромные возможности. Однако дар свободы еще и возлагает на нас колоссальную ответственность. Умение распорядиться даром свободы требует от старшего поколения людей Церкви особой мудрости, а от молодых делателей на ниве Божией – колоссальной самоотдачи.

Говоря об идее христианской свободы как нити, которая связывает эпоху Константина с нашей эпохой, я обращаюсь мыслью к подвигу апостолов и мучеников, апологетов и святых отцов IV и последующего столетий вплоть до новомучеников и исповедников Церкви Русской. С самого момента своего зарождения, через все поколения, благодаря подвигу героев духа, Церковь как зеницу ока охраняла свою свободу. И что бы ни говорили исследователи о церковно-государственных отношениях в Византии и на Руси, в самой сердцевине своей Церковь

оставалась свободной вне зависимости от внешней политической конъюнктуры. Свобода исповедовать Христа Господом и жить по Его заповедям останется константой для жизни Церкви и для жизни каждого христианина до того момента, когда «*небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят*» (2 Пет. 3. 10).

Хочу пожелать всем вам, а в вашем лице всему будущему поколению западных христиан сохранять дух той христианской свободы, которая почитает тщетой все, что не преклоняет главу пред Богом живым и перед Спасителем мира Иисусом Христом. Сохраняя эту внутреннюю свободу, не бойтесь творчества, не бойтесь риска творчества. Ибо Господь призывает нас быть Его соработниками в этом мире, а соработничество не может не быть творчеством в самом высоком смысле этого слова.

И еще одно пожелание, которое я хотел бы сегодня адресовать всем нам: неся в мир слово Христово, не будем забывать о том, что лучшим свидетельством всегда был и будет пример нашей собственной жизни. Пусть наше творчество начинается в наших душах, в наших семьях, приходах и монашеских общинах, в духовных школах и светских университетах. Тогда сила нашего свидетельства достигнет всей полноты общества и каждого его члена. Тогда мы сможем своими прожитыми достойно жизнями возблагодарить Бога за драгоценный дар свободы, который Он дает нам, христианам, и который никто не вправе у нас отнять.

[1] Apologeticum 37.

[2] Цит по: Евсевий Памфил. Церковная история, кн. 10, гл. 5. М., 1993, с. 358.

[3] ***Golz****, Hans Martin*. Die Konstantinische Wende – Eine Betrachtung zu drei Toleranzedikten, GRIN Verlag, 2009. S. 12.

[4] *Dvornik F*. Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and background. II, Washington, 1966. P. 616.

[5] Apologeticum 38, 3.

[6] Contr. Cels. VIII, 75.

[7] *Флоровский Георгий, протоиерей*. Догмат и история. М, 1998. С. 261.

[8] Там же.

[9] *Иоанн Мейендорф, протопресвитер*. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 19.

[10] *Евсевий Кесарийский*. Церковная история 10.

[11] *Бердяев*. Философия свободы. Ч. 1.

[12] *Флоровский Георгий, протоиерей*. Догмат и история. М, 1998. С. 261.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/50997/